

ЧИНГИСХАН — ПОСЛАННИК КИТАЯ¹

© **Набиев Рустам Фанисович**

доктор исторических наук,
профессор кафедры государственно-правовых наук,
Казанский юридический институт МВД РФ
Россия, 420011, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128
E-mail: nabiev_bulg@mail

В статье рассматриваются малоизвестные аспекты жизни и деятельности величайшего политика и военачальника второго тысячелетия, известного как Чингисхан. Его деяния были столь масштабны и значительны, что личность была наделена сверхъестественными чертами. Для одних он — «посланник Неба», для других — «бич божий». Многие исследователи и ученые прямо или косвенно отмечали антагонизм противоречия между возможностями степных вождей и уровнем знаний и умений, необходимых для создания устойчивой суперимперии. Имя Чингисхан давно стало сакральным для тюрко-монгольской культурной сферы и широко известным в остальном мире. Однако известны факты, которые способны придать легендарному вождю вполне реальные черты.

При сопоставлении источников разных стран, описывающих начальный этап деятельности героя, выясняется, что знания и опыт государственного управления он получил во время проживания в Китае. Это обстоятельство способно объяснить неожиданную для «простого степняка» компетентность в сфере государственного управления супергосударством.

Ключевые слова: Китай; Цзинь; монголы; маньчжуры; чжурчжэни; Чингисхан; Джучи; Тай-цзу; Юань; чжуван; жупан.

Для цитирования

Набиев Р. Ф. Чингисхан — посланник Китая // Евразийство и мир. 2019. № 2. С. 55–66.

«...Даже в 21-м столетии принципы
Великого шелкового пути не устарели...»
В. В. Путин²

Известно, что во многих случаях, исследуя прошлое человечества, ученый имеет дело не с реальными личностями и событиями, а с их трактовкой, выполненной в интересах правящей группы (династии, клана, религии). Вместе с тем факт заведомого искажения реальности давно признан и принят в обществе, это явление и признают устойчивые сочетания «легендарная личность», «былинные герои», «мифический персонаж», «сказочные результаты» и т. п. Впоследствии

¹ Под «Китаем» в рамках рассматриваемой темы мы понимаем в первую очередь чжурчжэньскую империю Цзинь, но имеем в виду все государства, интегрированные в рамках дальневосточной (китайской) мир-системы.

² Выступление на международном форуме. Пекин. 28 апр. 2019 г.

в своем каноническом виде легенда зачастую сама становится активным фактором политической и социальной жизни, диктуя новым поколениям стереотипы поведения на примерах героев прошлого, определяя критерии оценки событий и личностей.

В нашей стране его личность трактуется преимущественно как завоеватель и разрушитель, и это, конечно, верно для мусульманских стран. Однако если рассматривать всемирно-историческое значение Великой монгольской империи (ВМИ), на первый план выходят иные аспекты деятельности чингисидов: в первую очередь это создание «первой глобализации», в результате которой Европа получила открытый доступ к знаниям и технологиям Китая и Ирана, а с ними и новый импульс развития. Именно поэтому в США он был назван «человеком тысячелетия»¹.

В связи с влиянием, которое оказала Великая монгольская империя на общемировое развитие, особое внимание историков и политиков привлекает феномен ее образования и личность Чингисхана (Ч-Х). Однако обращение к консервативной культуре кочевых монголов не выявляет очевидных предпосылок для создания суперимперии и формирования столь масштабной личности. Ряд исследователей и аналитиков открыто выражает недоумение по поводу существенного разрыва между исходным потенциалом монголов и масштабными результатами деятельности Ч-Х.

История свидетельствует, что создание новой империи, как правило, обеспечивается длительным развитием базового государства, а ее устойчивое существование — использованием мощного (для своего времени) чиновничьего аппарата. Широкоизвестные варианты легенды не упоминают об обучении Ч-Х премудростям государственного управления и военного дела. Но даже для кратковременных военных успехов в XII–XIII вв. глубокие знания уже были необходимы. Более того, нужны навыки координации разных родов войск, инженерного дела, тыла, картографии и военной промышленности². Народная легенда представляет нам смекалистого табунщика, но не государственного деятеля с энциклопедическим объемом знаний. Это антагонистическое противоречие не позволяет считать жизнеописание великого политика достоверным. Умелое противостояние самым могущественными империями своего времени и включение их в состав своей суперимперии подталкивают нас к мысли о том, что в жизнеописании Ч-Х мы имеем дело с эпической традицией, а не сухой констатацией фактов. Таким образом, имеются основания полагать, что реальное лицо неординарного героя по-прежнему остается скрытым.

Вышеизложенное позволяет предполагать, что в оценке личности Ч-Х большинство исследователей не учитывали, что имеют дело с отредактированной легендой, а не реальной биографией героя. Даже выход некоторых ученых на почву реальных фактов не дает достаточно ясного представления о механизме создания устойчивой империи. Казалось бы, все просто: «Чингис-хан соединил дисциплинированную степную конницу кочевников с технически хорошо подготовленными войсками маньчжуров³ в единую армию...» [3, с. 234]. Замечание верное, но каким образом

¹ В 2000 г. нью-йоркский журнал «Тайм» объявил Чингисхана «человеком тысячелетия».

² Масштабы оснащения китайской армии, унификация вооружения и специализация производств позволяют применять этот термин почти без «натяжки».

³ Он имеет в виду чжурчжэней. С точки зрения общности культуры и языка такое обобщение вполне приемлемо.

степным вождям удалось достичь этого результата? Чжурчжэньская империя Цзинь была на пике могущества и ее граждане отнюдь не мечтали о владычестве подчиненных им монголов. Кстати, последний оплот чжурчжэньского сопротивления монголам так и не удалось разгромить силой, даже с помощью армии южнокитайской империи Сун. Спустя десятилетия борьбы двадцати городам был предложен почетный мир и безболезненное включение в состав новой империи [19, с. 67]. Это, в частности, означает, что военная сила монголов была далеко не абсолютной и не всегда решала стратегические задачи. Военные технологии «бывших государств» не помогли монголам.

Проблема заимствования военных технологий заключается в том, что простой захват у противника новейшего оружия не дает преимуществ неумелым захватчикам¹. Даже наличие чужих специалистов не обеспечивает победы в длительной войне, а тем более — построения империи: ими нужно как минимум уметь управлять и правильно использовать. Для этого уже на начальном этапе завоеваний в XII в. нужен был компетентный руководитель и надежный коллектив (партия), который впоследствии мог бы стать костяком государственного аппарата и «генерального штаба».

Однако известная всем легенда ничего не говорит об образовании героя и его аппарате. Напротив, подчеркивается его «народность», неприхотливость и приверженность традициям. Очевидное противоречие между уровнем образования будущего императора и успехами его деятельности монгольская эпическая традиция объясняет его божественным происхождением и благоволением неба. Соответственно трактуется и имя великого героя — ‘море-хан’ (небо-хан). Очевидно, что подлинная биография героя претерпела коренное редактирование². К месту привести мнение выдающегося казанского востоковеда В. П. Васильева: «Пропала первоначальная монгольская история» [5, с. 44]. На современном этапе А. Г. Юрченко, заявил, в частности, что «весь корпус источников о Чингисхане мифологичен» [30, с. 14].

Вывод о неадекватности основной легенды о Ч-Х влечет за собой и сомнения в истинности традиционной этимологизации его «имени». Анализ обстановки и наличие отрывков более ранней версии легенды позволяют осуществить иной подход к объяснению феномена героя и трактовки его «имени».

Отметим сразу, что подлинное имя героя в принципе не могло быть известным историкам и широким массам народа. Обычное право монголов сохранило требование соблюдения табу на произношение подлинного имени близкого родственника до XX в. По отношению к чингисидам это требование было еще более жестким. Отмечается, что «простые люди не могли в разговоре называть их по имени» [26, с. 22].

Примечательно в этом отношении следующее наблюдение: рассматривая деятельность правителей разных стран, в абсолютном большинстве случаев мы имеем дело не с реальными именами древних правителей, а их титулами, девизами правления,

¹ Нам неизвестны, например, случаи использования артиллерии американскими индейцами, хотя неоднократно их захватывали.

² По всей видимости, она оформилась уже до конца XIII в., сыграв злую шутку со многими потомками Ч-Х, полагавшими, что для создания державы необходимы лишь «мандат неба», смелость и харизма.

прозвищами. Вероятно, поэтому в генеалогии чингисидов так много путаницы даже по хорошо изученным правителям. С большой степенью уверенности мы можем предполагать, что в случае с Ч-Х мы также имеем дело не с подлинным именем героя и должны смириться с мыслью, что традиционными средствами первичное имя, скорее всего, не будет выяснено¹.

Неудовлетворительность общепринятой трактовки имени Великого хана (начиная с Г. Рамстедта: чингис < тенгис — ‘море’) отмечалась давно. Б. Я. Владимирцов также подмечал: «П. Пелио показывает, что первые чингисханиды носили прозвище *dalai-in gan*, ‘океанический, всемирный хан’ и впоследствии некоторые монгольские и ойратские князья носили титул далай». Угедей и Гуяк также носили титулы далай [6, с. 219]. То есть для обозначения «небесно-океанического» масштаба монголами применялся иной термин. К тому же Б. Я. Владимирцов убедительно доказывает, что слово тенгис по ряду причин не могло превратиться в чингис [6, с. 219]. Этой позиции придерживаются и некоторые иные ученые. Таким образом, версия о том, что термин «чингис» обозначал ‘океан’, может быть подвергнута ревизии.

Мы полагаем, что при этимологизации этого «имени» необходимо учитывать мощное влияние чжурчжэньской империи Цзинь (Чин), которая весьма внимательно отслеживала обстановку в северной степи и активно вмешивалась в политическую жизнь кочевников [3]. Некоторые сведения, которым мы склонны придавать приоритетную значимость, позволяют учитывать в действиях нашего героя выраженную маньчжурскую (чжурчжэньскую) составляющую. Возможность применения классического маньчжурского² фактора усиливается тем, что имеются сведения о пребывании юного Темучина при дворе (регионального?) правителя маньчжурской империи Цзинь.

Согласно В. П. Васильеву, в независимом от монголов южнокитайском произведении Мэн-да бей-лу указывается, что Чингисхан в детстве попал в плен к Цзинь («нючжисцы» — чжурчжэни) и провел у них в рабстве более 10 лет [18, с. 50]³. Причем имя Тэмучжэнь, часто трактуемое как подлинное имя правителя, также может быть псевдонимом [5, с. 218; 4, с. 3–68].

Однако обычный плен у чжурчжэней не мог дать всего комплекса необходимых знаний и навыков управления государством. Гораздо более правдоподобно выглядит сообщение Ан-Насави, секретаря Джалал ад-Дина, который имел возможность по дипломатическим каналам получать объективную информацию еще до начала обожествления кагана. На это сообщение обратил внимание петербургский исследователь А. Г. Юрченко. Ан-Насави, в частности, утверждал, что государство ас-Син (Китай под властью чжурчжэней) было поделено на шесть частей, каждой из которых

¹ Европейские ученые вслед за китайскими путешественниками нередко считают, что монголы имели лишь одно имя. Однако, например, «детское имя» Чингисхана упоминается самими китайцами: «Тот их правитель, который первым узурпировал титул императора, звался детским именем Тэмочжэнь» [16, с. 137].

² Многие отечественные ученые вслед за некоторыми западными считают, что маньчжурская история началась лишь в XVII в., и не допускают возможности смешивать эти понятия. Мы поддерживаем тех, кто относит чжурчжэней к маньчжурской общности.

³ В монгольских преданиях отношения с чжурчжэнями возможно скрываются за взаимодействием героя с Алтун-ханом (одно из значений Цзинь — ‘золотая’).

управлял от имени Алтун-хана могущественный наместник. Во время длительных поездок Алтун-хана вся полнота власти в каждой из областей находилась в руках подобного хана-наместника. Одним из таких правителей был Души-хан¹. Женой его была тетка Чингисхана, которая якобы происходила из племени ат-темурчи («железники, кузнец»)². После внезапной смерти Души-хана во время отсутствия Алтун-хана тетка будущего императора при помощи двух соседних правителей (один из которых носил также имя (?) Чингиз-хан³) возвела на престол своего племянника. Став правителем губернии, он собрал значительное количество соратников, которые ушли вместе с ним в степь после того, как Алтун-хан поставил под угрозу его жизнь [28, с. 188].

Весьма важно подтверждение этим сведениям с другого конца земли. Грузинская история о Ч-Х, также составленная до его обожествления и формирования официальной легенды, в частности, утверждает, что он сделал успешную карьеру на службе у Он-хана и убежал, уже будучи видным военачальником, спасаясь от придворных интриг [29, с. 115–115].

Не исключено, что тот же сюжет прослеживается в европейской «Повести о царе Давиде» из состава послания Якова де Витри. Предполагаемым источником для повести был некий персидский текст. Несмотря на значительное искажение повествования, можно предположить, что под обобщенным персонажем царя Давида представлены Ч-Х. В повести он — сын царя, брат правящего царя и находится при дворе кагана («ханхана»), откуда затем бежал при помощи тетки [23, с. 145].

Об изначальном использовании потенциала городской цивилизации упоминает и европейская так называемая «Памятная запись (из рукописи 1248 г.)», отмечавшая, что начальным пунктом его завоеваний был [относительно. — Р. Н.] «...небольшой город, из которого [они. — Р. Н.] прогнали хозяев, захватили его и разместились там, со временем, собрав вокруг себя своих единомышленников, укрепились, выступили на Персию и захватили там власть» [22]. Если в «Памятной записи» речь идет о монголах, то, возможно, и в ней зафиксированы опора на партию соратников и потенциал городской организации⁴.

Ту же информацию мы видим в упоминании Де Гиня: «Когда татары восстали против кинонов (цинов). Темучин стал во главе своих подданных и двинувшись от реки Онон присоединился к кинам, которые дали ему важный пост» [10, с. 51]. «Умдет ал ахбар» отмечает еще больший срок отсутствия в родных местах: «После смерти отца Чингизу было 13 лет. 25 лет бедно странствовал и некоторые думали, что он помешался, из деликатности не смеялись над ним» [32]. Кроме письменных

¹ Не путать с братом (?) и сыном Чингисхана.

² От этого термина, как правило, выводится «подлинное имя» Ч-Х — Темучин.

³ Мы обнаружили сведения о нем (?) у Сайф ад-Дина Ахсикенди. При захвате кара-китаями Средней Азии упоминается сподвижник Гур-хана — «Чинга Хитай с 200-тысячным войском» [2]. Если бы автор произведения прибавил к этому имени титул *хан*, сходство было бы почти абсолютным.

⁴ Автор «Памятной записи» о татарах прямо ссылается на источник — самих татар. Примечательно, что закавказские сведения могут быть более точны в силу того, что элита во главе с царем посещала ставку кагана.

следов чжурчжэньского прошлого нашего героя, вероятно, существовал и монгольский вариант легенды со схожим содержанием. О таковой, в частности, сообщает Б. Я. Владимирцов: «Возможно, что легенда о долгом пребывании Темучина в Китае возникла благодаря тому, что ему пришлось попасть к кунгиратам» [6, с. 149]. Данное сообщение позволяет получить более полное представление об уровне подготовки Ч-Х: на самом деле уровень его подготовки был настолько высок, что смог претендовать на трон удельного правителя еще в юности. Возможно, что под фразой «десять лет плена» следует понимать длительный срок знакомства с государственной системой и наукой, самой передовой на то время империи чжурчжэней.

Таким образом, наиболее ранние известные письменные сведения о личности монгольского лидера утверждают, что он вышел на политическую арену Великой степи, обладая знаниями управления, военного дела чжурчжэней и имел собственную команду соратников. Появляются основания заявлять, что наиболее ранние источники о Ч-Х содержат информацию о формировании компетенций будущего императора в китайской среде. Эта информация на сегодняшний день представляется нам более правдоподобной, чем известия «Юань Чао би-ши» и «Алтан тобчи». В этом случае становится более понятным его глубокое знание геополитических реалий, последующее политическое, организаторское превосходство над лучшими представителями степной элиты. За его действиями прослеживается знание возможностей уйгурского, тангутского, чжурчжэньского и сунского государств и науки, а также способность их использования в собственных интересах. На интересы империи успешно работали лучшие специалисты разных цивилизаций: цзиньский кидань Елюй чу-цай, мусульманские экономисты Яловачи, ламаисты и уйгурский битикчи Тататонга... [9, с. 507].

Вышеизложенные обстоятельства, в свою очередь, позволяют обратиться к этимологии его имени с учетом еще одного компонента — Цзинь (чжурчжэньского). Специалисты отмечают, что «поскольку целью (*родословных*. — Р. Н.) источников было показать легитимность власти Чингисхана и его потомков, то именно в его генеалогии ... имплицитно указывается на связь с предками...» [25, с. 193]. Мы предполагаем, что титул «Чингис-хан» изначально мог обозначать высокий пост в чжурчжэньской (Чин) администрации, и на начальном этапе такой титул делал его претензии на власть в степи легитимными¹.

Необходимо учитывать, что китайскую культуру для большинства северных и западных народов того времени представляли именно протоманьчжуры (чжурчжэни) с их династиями Цзинь, Цинь, которые также назывались иными народами Син, Гинь, Кинь... а тюрками и монголами до сих пор называется Чин². Не исключено, что именно это значение (<чинский хан>) имени нового степного лидера и могло быть первичным в степи³. Более того, Г. В. Грумм-Гржимайло дает

¹ Подобный способ повышения своего авторитета был характерен для правителей древности. Например, некоторые европейские династии стремились демонстрировать свое происхождение от римских императоров.

² В «Родословной тюркского племени» (пер. Г. Саблукова) отмечается, что именно Чжурчит(ов) называли *Чин* [1, с. 17].

³ Имя нашего героя в любых вариантах содержит форманты, которыми обозначали северный Китай — Чин, Хин, Цин (напр. Цингитон из письма ландграфа Тюрингского).

еще более интересную форму «имени» — Темуцзинь [8, с. 59]. Эта транскрипция (по Кафарову/Палладию?) еще более склоняет нас к мысли о том, что мы имеем дело с номенклатурным титулом Цзиней. К тому же современное ему произведение «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина прямо указывает, что он именуется «... по узурпированному им титулу императором Чэнцзисы» [16, с. 137]. О том же прямо указывается в татаро-турецкой истории «Умдет ал-ахбар» Кырыми: «Темучин Бахадыр хан, у которого прозвище Чингиз, что на могольском означает шахиншах» [32].

Для обобщенного вывода могут представлять интерес также и некоторые иные высшие монгольские титулы, содержащие ту же морфему: *Šhin-vang*¹, *Šhin-sang*². Монголы, как правило, перенимали звания из Китая. М. Крамаровский специально обратил внимание на то, что в 1198 г. Ч-Х получил титул джаутхури от чжурчжэней [31, с. 552]. Его обычно переводят как ‘военный комиссар’.

Особые связи Чингисхана с чжурчжэнями прослеживаются и по его потомкам. Так, Винсент де Бове в работе «Историческое зеркало» отмечал: царь чжурчжэней «...убегая от войск татар, был иссечен с семьей... за исключением одной дочери... а эту оставшуюся в живых дочь вышеупомянутый Чингисхан взял, как говорят себе в жены, и народил от нее детей» [15, с. 86]. По данным источников, это было стандартным действием: «[Чингиз] по мере покорения каждого вилайета имел привычку жениться на красивых дочерях падишахов...» [32, с. 16]. Итак, имеются сведения, что одной из первых жен Чингисхана стала маньчжурская принцесса. Ее сын (в отличие от сыновей принцесс иных царских семейств) среди монголов должен был обозначаться как чжурчжэнец. Так и было. Й. Бойл обратил внимание на имя старшего сына Ч-Х — Джурчетей / Джурчедай (чжурчжэнец), согласно Рашид ад-Дину буквально означает «человек из Джурчена», «маньчжурец»... Предполагается, что он умер «раньше всех сыновей»³. По нашему мнению, имя старшего наследника предполагает, что его матерью была чжурчжэньская принцесса. Впрочем, Рашид ад-Дин прямо указывал в числе пяти главных жен Чингисхана на Гунджу, дочь Алтан-хана, государя Хитая... [24, с. 68–71; 26, с. 11]. Джувеини упоминал, в частности, что в 1227 (?) г. перед смертью Чингисхан призвал сыновей: Чагатая, Угедея, Улуг-нойона (Джучи?), Колгена (Кулькан?), Джурчетея⁴ и Орчана [11, с. 121–583].

Восточные монголы были особо близки к маньчжурам и в более поздние времена. Хорчинские монголы даже включались в их гвардейские («восьмизнаменные»)

¹ Когда Амурсана вступил в подданство к маньчжурскому императору, то был возведен в звание *Šhin-vang* (чин-ван) [6, с. 275].

² Чинсанги — министры, их имперский статус был выше тайши [6, с. 435].

³ С таким же именем был один из героев монгольского племени урутов [Джувеини, 2004. С. 583–584]. В то же время Пелиот полагал, что имя самого старшего сына Чингиз-хана было *Пи-йин*, он же упоминался Мэн-да Бей-лу [19, с. 57], погиб в Шанси в 1212–1214 гг. У В. П. Васильева *Би-инь* был убит при осаде западной цзиньской столицы Юнь-Чжунь, второй сын — Ю-чжи (Джучи) [5, с. 221].

⁴ Другие источники утверждают, что Джурчетай был сыном Чингиз-хана от Есуй (были две жены-татарки со схожими именами Есулун и Есукат) и умер малолетним (до 1226 г.) [26, с. 37]. Но известны упоминания о том, что он возглавлял войска, штурмовавшие чжурчжэньский Китай, и погиб при штурме города. Или тем же именем был назван другой сын?

войска. Немаловажным представляется то обстоятельство, что племя у-ло-хэнь (у-ло-ху/олхунэ/олхонь), из которого происходила мать Чингисхана, упоминалось в составе растущей маньчжурской державы в начале XVII в. [18, с. 12]. В XVIII в. в числе реестровых монгольских полков маньчжурской армии еще фиксировался курень народа оухань [17, с. 316]¹. Немаловажным представляется, что (по Мэн-да Бей-лу) вторую дочь Ч-Х также выдал замуж за цзиньского чиновника и она управляла «белыми (восточными?) татарами» [5, с. 221]. В связи с вышеизложенным мы полагаем, что для разгадки ряда эпизодов монгольской истории (в которых использование монгольского языка приводит к явным казусам) могут быть применены тунгусский и маньчжурский языки, например, при переводе имен Джучи и его сыновей Берке, Беркечара и др. Так, интересным представляется эпизод, связанный с рождением старшего сына Чингисхана — Джучи в плену у меркитов. Напомним, что по официальной версии, вернув любимую жену из плена, Темучин принял и ребенка, родившегося в плену, назвав его Джучи как память о победе над врагом. Некоторые источники трактуют этот термин как ‘гость’ [1, с. 64; 27, с. 39 и др.]. Однако отметим, что это значение (неясного происхождения) не соответствует четко зафиксированному обычаю монголов давать детям уничижительные имена и не удовлетворяет контексту легенды — не может трактоваться как память о победе над врагами. Поэтому эпизод с наречением старшего сына в вышеуказанных источниках выглядит, по мнению автора, незавершенным и несколько нелогичным.

На наш взгляд, следует обратить внимание на то значение термина, которое присутствует в классическом маньчжурском языке: чжочи² — «повелительное от ‘разбит, разгромлен’» [12, с. 999]³. Представляется, что применение данного термина маньчжурского языка делает разбираемую ситуацию прозрачной и логичной⁴.

Но подлинная глубина замысла Ч-Х в данном эпизоде выдается игрой значений этого слова. В ряде источников имя старшего сына (и потенциального наследника) Джучи передается как Души/Туши. Этим термином со времен гуннов/сюнну обозначали наследника престола⁵. Только с учетом этого значения, например, можно понять всю глубину конфликта сыновей Ч-Х, описанного в монгольской истории. Возмущение младших сыновей Ч-Х положением Джучи до официального назначения наследника престола ВМИ вылилось в открытый конфликт⁶. Учитывая это

¹ Ср.: древнеманьчжурское объединение племен *ухань*, *ухуань*.

² Именно так звучит имя согласно «Сокровенному сказанию». Нельзя полностью исключать и китайское происхождение термина. Впервые термин *дучжи* появляется в эпоху Южных и Северных династий (265–583 гг.) [13, гл. 22. Прим. 2]. Этот китайский чин следует учитывать при учете роли инога Джочи, который в некоторых источниках называется братом Ч-Х.

³ При этом следует учитывать монгольский обычай давать маленьким детям уничижительные имена с целью избежания сглаза. Этот обычай хорошо иллюстрируется в эпосе «Гэсэр».

⁴ Подробнее позиция автора о соотношении культур тунгусо-маньчжурской общности и монголов описана в [21].

⁵ Знание «древнего языка» отмечалось в монгольской истории в качестве достоинств знати, но что это был за язык для нас остается загадкой.

⁶ Нам кажется, что если бы имя Джучи (Жочи, Души) было бы «детским», оно не могло бы повлечь конфликта, подобного описанному. Но если предположить, что его имя было иным

обстоятельство, можно предположить, что Чагатай имел в виду именно древнее (гуннское) значение этого термина и незаконнорожденность Джучи, подчеркивая тем самым, что из «правильных» наследников старшим был именно он.

Особые отношения этой линии чингисидов с маньчжурами отражались в династических связях и позднее. Так, в династических таблицах джучидов «Муизз ал-ансаб...» отмечалось, что одна из первых жен Джучи была маньчжуркой и, по всей видимости, царского рода: «Султан-хатун из племени имен», мать хана Берке, огланов Беркечара и Буре [14, с. 437]. Не исключено, что о ней писал Рикольдо (Рихард) Де Монто Кроче: «Одно войско во главе с Великим ханом захватило Китай, страну огромнейшую и находящуюся у самых дальних пределов Индии¹. И они убили там пресвитера Иоанна и захватили его царство, и сын Великого хана взял дочь пресвитера Иоанна себе в жены» [15, с. 160]. Наверное, это обстоятельство совсем не мало значимо, если учесть, что именно Берке отделил Улус Джучи от ВМИ, сделав его мощным самостоятельным государством — империей Джучидов («Золотой Ордой»).

Таким образом, обобщенные сведения исторических источников позволяют говорить как минимум о тесных родственных и культурных связях Чингисхана и джучидов с китайской (чжурчжэньской) династией. Думается, что в период борьбы за гегемонию в степи опора на мощь империи Чин имела большое значение, а отражение принадлежности к ней нашло отражение в титуле Ч-Х. Родство Ч-Х с чжурчжэньской династией и годы службы в империи Цзинь способствовали созданию системы «полезных связей» и обеспечили ему поддержку среди определенной части чжурчжэней и китайцев, чьи воинские части и обеспечили необычное сочетание достоинств новой монгольской армии.

Вероятно, после покорения части территории Цзинь, когда ее судьба в значительной степени была предreshена, и для управления нарождающейся империей стал необходим так называемый «мандат неба», и тогда его имя приобрело совсем иное значение — ‘океан/небо’ (для тюрков и монголов). Согласно рекомендациям Конфуция², он получил традиционное китайское имя Тай-цзу — ‘родоначальник династии’³. Так для китайской истории он стал основателем очередной «китайской» династии Юань. Таким образом, политически обусловленное противопоставление личности и деяний Чингисхана китайской культуре и государственности далеко не в полной мере отражает его многогранные связи с Китаем.

Сопоставление различных вариантов легенды о нем позволяет предположить, что информация о его былых связях с прежней династией подверглась в последующие десятилетия существенному редактированию, вуалированию и даже частич-

(например, Чжурчэтай), а Джучи — взрослое имя, данное при определении ему западного улуса, то суть конфликта с другими сыновьями, а также ряд последующих событий становятся прозрачными.

¹ В Европе «знали» три «Индии». По всей видимости, «Великая Индия» соответствовала Цзинь и Китаю. Именно к этой Индии стремился Колумб.

² Формула Конфуция «Для создания управления государством прежде всего необходимо выправлять имена» во все времена превращала простодушных завоевателей в защитников «китайского дракона».

³ В рамках династии принимались и иные почетные «имена»-титулы, например, в 1266 г. — Шен-у хаун-ди [20, с. 92].

ному изытью. Огромное количество технических и научных новшеств, которые мир получил из Китая в результате утверждения ВМИ, трудно переоценить и даже перечислить. Само продвижение монгольских войск на запад обеспечивалось китайской артиллерией и инженерными войсками. В XIII в. целый ряд качественных изделий в Европе получил название «чины».

Среди наиболее очевидных культурных следов продвижения китайских технологий в «золотоордынское время», закрепившихся и ставших символом русской культуры, является гжель — русская белая глина с подглазурной росписью кобальтом.

Десятки китайских слов вошли в употребление в европейские языки (в т. ч. и в русский). Особый интерес представляет терминология государственно-правового характера: го-сударство (< го), чваниться < чжуван, жупан < чжоу-пань и др. Вся совокупность следов распространения дальневосточных культур в Европе может оцениваться в качестве своеобразной проекции самого Чингисхана как феномена культурной конвергенции.

Литература

1. Абул-Гази. Родословная тюркского племени / пер. Г. Саблукова. Казань: Изд-во Казан. импер. ун-та, 1854. 140 с.
2. Ахсикенди Сайф ад-Дин. Маджму ат-Таварих. Собрание историй. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Ahsikendi/frame.htm> (дата обращения: 08.06.2019).
3. Барфилд Т. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.) / пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; под ред. Д. В. Рухлядева. СПб.: Нестор-история, 2009. 488 с.
4. Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии // Труды восточного отдела русского археологического общества. СПб.: Тип. ИАН, 1853. Ч. 4. С. 3–68.
5. Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии // ЗИАО. СПб.: Тип. ИАН, 1859. Т. 13. С. 1–235.
6. Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / под ред. В. М. Алпатов; сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит-ра, 2002. 557 с.
7. Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области. СПб.: Тип. С. М. Николаева, 1894. 690 с.
8. Грум-Гржимайло Г. Е. Путешествие в Северо-западный Китай. СПб., 1899. 260 с.
9. Груссе Рене. Империя степей. Аттила, Чингиз-хан, Тамерлан / пер. Хамита Хамраева. Алматы, 2006. 592 с.
10. Де Гинь. Общая история гуннов... // История Казахстана в западных источниках / пер. О. В. Рублевой; сост. И. В. Ерофеева. Алматы, 2006. Т. 7. С. 15–136.
11. Джувейни А-М. Чингисхан. История завоевателя мира... / пер Дж. Бойла. М.: Магистр-пресс, 2004. 690 с.
12. Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875. 1285 с.
13. Е Лун-Ли. История государства киданей / пер. В. С. Таскина. М.: Наука, 1979. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 26.09.2019).
14. Золотая Орда в источниках / сост. Р. П. Храпачевский. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. М.: Наука, 2003. 448 с.
15. Книга странствий / пер. с лат. и ст.-фр.; сост., ст. и коммент. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2006. 320 с.
16. Краткие сведения о черных татарах Пэн Да-я и Сюй Тина / пер. Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 133–157.

17. Леонтьев А. Л. Кратчайшее описание городам, доходам и прочему Китайского государства. СПб.: 1778. 332 с.
18. Меньшиков П. Н. Краткий исторический очерк Маньчжурии // Вестник Азии (Харбин). 1917. Вып. 2. 44 с.
19. Мен-да Бэй-лу. Полное описание монголо-татар / пер., Н. Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975. 288 с.
20. Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах / под ред. Л. И. Думана. М.: Наука, 1965. 222 с.
21. Набиев Р. Ф. Древние тунгусо-маньчжуры в Восточной Европе / под ред. М. З. Закиева. Казань, 2011. 343 с.
22. Памятная запись (из рукописи 1248 г.). URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIII/1240-1260/Pamjat_Zapis1248/text.phtml?id=2189 (дата обращения: 26.09.2019).
23. Послания из вымышленного царства / пер. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2004. 224 с.
24. Рашид ад-Дин Ф. Джамии ат-таварих. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1, кн. 2. С. 68–71.
25. Скрынникова Т. Д. Борджигин и монгол в идентификационной практике монгольского улуса // ALTAICA. X. М.: ИВ РАН, 2005. С. 186–206.
26. Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ МОСКВА, 2006. 445 с.
27. Хондемир История монголов. От древнейших времен до Тамерлана / пер. с перс. и прим. В. Григорьева. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 159 с.
28. Христианский мир и «Великая монгольская империя»: материалы францисканской миссии 1245 года / пер. С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.
29. Пулая Г. В. Грузинская книжная легенда о Чингисхане // Советская этнография. 1973. С. 114–122.
30. Юрченко А. Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингис хана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб.: Евразия, 2006. С. 7–22.
31. История татар с древнейших времен. Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). Казань: Изд-во ин-та истории АН РТ им. Ш. Марджани, 2009. 1055 с.
32. Кырьми А. Умдет ат ал-ахбар / пер. с осман. Ю. Н. Каримовой, И. М. Миргалеева. Казань: Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2018. Кн. 2. 200 с.

GENGHIS KHAN — AN ENVOY OF CHINA

Rustam F. Nabiyev

Dr. Sci. (History), Prof. of State-Legal Sciences Department,
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
128 Orenburgsky Tract, Kazan 420011, Russia
E-mail: nabiev_bulg@mail

The article discusses little-known aspects of the life and work of the greatest politician and military leader of the second millennium — Genghis Khan. His deeds were so large scale and significant that many people endowed his personality with supernatural features. For some of them he is a "winged messenger", for others — a "scourge of God." Many researchers and scientists have noted the antagonism of contradiction between the capabilities of the steppe leaders and the level of knowledge and skills necessary to create a stable super

empire. The name of Genghis Khan became sacred in the Turkic-Mongolian cultural sphere and widely known in the rest of the world. However, there are some facts that portray the legendary leader quite real.

Compared the sources of different countries that describe the initial stage of the Genghis Khan's activity, we have revealed that he gained knowledge and experience in public administration while living in China (the Jin Empire). This circumstance is able to explain his competence in the sphere of state administration that is unexpected for a "common steppe-dweller".

Keywords: China; Jin; the Mongols; Manchus; Jurchens; Genghis Khan; Jochi; Taizu; Yuan; zhuang; zhupan.